

25 ОКТ

„ПИКОВАЯ ДАМА“

В ИСПОЛНЕНИИ Д. Н. ЖУРАВЛЕВА

Мастер художественного чтения Д. Н. Журавлев выступил в этом сезоне со своей новой работой — «Пиковая дама» А. С. Пушкина.

«Пиковая дама» — одно из труднейших для исполнения произведений.

Графическая четкость рисунка, стройность формы, высокое мастерство в обрисовке характеров и вместе с тем мудрая экономия средств художественной выразительности при огромной эмоциональной насыщенности — все эти драгоценные свойства прозы Пушкина предъявляют к исполнителю исключительно высокие требования.

Задача чтеца-художника — раскрыть глубочайшее содержание петербургской повести Пушкина с помощью очень скупых художественных приемов, не прибегая ни к бытовому натурализму, ни к подчеркнутой характерности.

Здесь чрезвычайно уместен именно прием художественного рассказывания, а не сценического показывания действующих лиц.

Одним из достоинств исполнения Журавлева является полное отсутствие мистического налета, связанного с тайной трех карт. Никакой мистики нет и у Пушкина. Тон его повести пронизан легкой ироничностью. Галлюцинацию Германа Пушкин показывает как результат его большой измученности, связанной со смертью старой графини, и упорной сосредоточенности на одной «неподвижной идее» (Пушкин).

Сцена галлюцинации — гениальна в повести. Журавлев уловил необычайную реалистическую простоту этой сцены и счастливо избежал здесь всякого мелодраматизма.

Удается ему и сцена в спальне графини. Кульминация этой сцены — страстная попытка Германа вырвать у полумертвой старухи ее «тайну». Весь этот монолог звучит у Журавлева взволнованно и страстно.

Зато следующая сцена — у Лизы — бесцветна. Здесь Герман уж никак не похож на Наполеона, сходство с которым уловила «даже Лиза» (Пушкин). Начиная с этой сцены, Журавлев вместо нарастания маниакальной страсти Германа показывает ее спад, полную душевную опустошенность героя. Едва ли такое толкование правильно. Настоящая психическая травма Германа назревает именно после смерти графини и развивается crescendo вплоть до его последней отчаянной ставки в игорном доме, «похожей на поединок» (Пушкин).

Характеру Германа в толковании Журавлева недостает именно тех свойств, на которые указывает Пушкин: сильных страстей и огненного воображения.

Образ старухи не совсем удался Журавлеву. Он пытается восполнить недостаток правильного внутреннего ощущения образа характерностью. Журавлев присвоил старухе грубый, замогильный голос, расслабленную мимику существа, впавшего в полный идиотизм. Но толь-

ко ли такими чертами характеризует Пушкин этот, ставший классическим, чисто рембрандтовский портрет старости? Конечно, нет.

Жаль, что в изображении старухи и второстепенных персонажей Журавлев на этот раз отошел от своей обычной тонкой и благородной манеры рисовать образ изнутри одним-двумя характерными штрихами. Так он пытается сыграть Чекалинского (и неудачно), Томского. Образ Лизы в трактовке Журавлева утратил свое романтическое очертание. Он стал слишком будничным, обыкновенным.

Нельзя согласиться также с тем, как Журавлев читает эпиграфы. Эпиграфы к главам «Пиковой дамы» — это настоящие маленькие шедевры. Здесь бездна остроумия, грации, тонкой иронии, а порою и глубокой философской мысли. Нужно большое мастерство, чтобы передать их легкую, скользящую, загадочную прелесть. Но следует ли так реалистически обнажать их смысл, так на ладони преподносить их, как это делает Журавлев? Конечно, не следует. Ведь если считать художественное чтение «театром воображения», то в этом театре слушатель далеко не пассивен. Он — творческий соучастник чтеца.

«Пиковая дама» в исполнении Журавлева пользуется успехом. Это неудивительно. Большая, продуманная, тщательно отделанная работа. Но она не передает тонкого и глубокого очарования пушкинского шедевра.

Н. Гончарова.